

Содержание

Вместо предисловия	8
Благодарности	13
Глава 1. Каббала и Серебряный век русской культуры: источники, позиции, интерпретации	14
1.1. Каббала и символизм: вопросы терминологии	14
1.2. Теософия и каббала	21
1.3. Антропософия и каббала	39
1.4. Мартинизм и каббала в России	49
1.5. Отношение к каббале в среде русских символистов	66
Глава 2. «Страны света спустились лучами из древнего солнца»: каббала Андрея Белого	84
2.1. Андрей Белый и его «круг оккультного чтения»	84
2.2. Биографические заметки: Андрей Белый и «каббалисты»	99
2.3. Адам Кадмон	109
2.4. Каббала и астрология	117
2.5. Каббалистический кабинет профессора Шмидта	123
2.6. Сфирот	131
2.7. Священный язык	136
2.8. «Каббалистика» Андрея Белого	139
Глава 3. «Адам был миром, мир же был Адам»: Максимилиан Волошин и каббала	145
3.1. Волошин и «тайные науки»	145
3.2. Творение и древние миры	149
3.3. Создание Первого Человека	154
3.4. «Каббалистическая аксиома»	156
3.5. Мир и миф древнееврейского языка	161
3.6. Каббала Волошина	167

Глава 4. Борис Поплавский, Георгий Шторм и «тайные науки»	168
4.1. Поплавский и Шторм в Ростове 1919-го	168
4.2. Окультист Георгий Шторм: «Величественные идеалы неравенства»	176
4.3. Эзотерическая биография Бориса Поплавского	189
Глава 5. Борис Поплавский и каббала	211
5.1. Каббала, каббалистика и карты Таро	211
5.2. Борис Поплавский — читатель	217
5.3. Поплавский и Cabbala christiana	225
5.4. Мистика пола	229
5.5. Каббалистическая смерть	274
5.6. «Смотря на мир, готовый для суда»: сфирот Поплавского	282
5.7. «Великая Тайна» Бориса Поплавского	302
5.8. В начале пути	322
Пара слов в заключение	333
Приложение I. Рудольф Штайнер. «О каббале» (1904)	336
Приложение II. Георгий Шторм. «Карма Йога» (1920)	344
Приложение III. «Самоизгнанники из световой Отчизны» (Нина Рудникова)	362
Список литературы	368
Указатель имен	386

Памяти родителей, приучивших меня любить книги

Вместо предисловия

Как! — сказал Нарумов, — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики?

А. С. Пушкин. Пиковая дама

История знакомства с еврейским эзотеризмом, обычно называемым «каббалой» (о различных вариантах понимания этого термина мы еще скажем ниже), в России восходит по крайней мере к позднему Средневековью, однако действительно важными и притягательными для русского образованного общества идеи каббалы становятся в конце XVIII столетия, в золотой век русского масонства. О каббале тогда пишут статьи в журналах, переводят с иврита, латыни и других языков каббалистические сочинения, отдельные символы и образы этой еврейской эзотерической традиции проникают в художественную литературу... В середине XIX века в силу целого ряда историко-культурных причин, на которых мы не будем здесь останавливаться, представления о наличии у евреев некоего загадочного и опасного «тайного знания» проникают, как бы мы сегодня сказали, в массовую культуру — в романы, журналы и даже газеты. К примеру, один из родоначальников русской фантастической литературы Александр Фомич Вельтман (1800–1870) в своем первом романе «Странник» (1832) обыгрывает «тайны» еврейского алфавита, изображая квазимистическое путешествие по его буквам, венцом которого становится встреча с прекрасной девой, в которой угадывается *Шхина*, Присутствие Божественного в нашем мире... «Рано предался он преступным изысканиям, — пишет тогда же, в 1831 году, в повести «Перстень» Е. А. Боратынский (1800–1844), — тайно беседовал с учеными жидами, рылся в каббалистических книгах, долго и безуспешно... <...> Лаская Марию, Антонию не оставлял свои каббалистические

занятия... <...> ...утро возвратило ему память, он взглянул на Божий мир — глазами Демона: так он постигнул тайну природы, ужасную, бесполезную тайну; он чувствовал, что все ему ведомо и подвластно, и это чувство было адским мучением»¹.

В конце XIX — начале XX века интерес к каббале в русском обществе заметно усиливается и приобретает новое качество: эта еврейская традиция практически одновременно становится предметом специальных научных исследований и (отчасти под их влиянием) важнейшим элементом европейского оккультизма, доктрин возникающих в то время эзотерических школ и движений (неомартинизм, неорозенкрейцерство, теософия, антропософия и др.). «Еврейским мистицизмом» интересуются тогда крупнейшие русские философы, богословы, поэты и писатели, представители так называемого Серебряного века русской культуры. После большевистского переворота 1917 года некоторые из них уносят этот интерес с собой в изгнание.

В своей книге я не ставил перед собой цели охватить всю эту область, проанализировать присутствие еврейских мистических идей в русской культуре той эпохи. Моя задача намного скромнее: это действительно заметки, касающиеся интереса к «тайным наукам» (прежде всего к каббале) всего у трех ее представителей. Двое из них, Андрей Белый (Б.Н. Бугаев; 1880–1934) и М.А. Волошин (1877–1932), — выдающиеся поэты, писатели, мыслители Серебряного века. Третий, Б.Ю. Поплавский (1903–1935), — один из самых интересных и талантливых поэтов и прозаиков первой волны русской эмиграции, начавший писать еще в России. Что же их объединяет? Всю свою жизнь они занимались философскими и религиозными поисками, пытаясь найти свой путь в лабиринтах самопознания, неминуемо уведивших их в область эзотерического. Они были — ищущими. Отсюда и название книги: «Зефирея» — «златая земля»

1. *Боратынский Е.А.* Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана: В 2 т. Т. 2. Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, 1915. С. 192, 194.

истинной мудрости, слово, созданное Андреем Белым на основе каббалистического термина *сфирот* (ивр. «счисление», у Белого — «зефироты»).

Как мы увидим, обсуждая интерес этих писателей и поэтов к различным оккультным учениям, я буду редко ссылаться на художественные произведения, благодаря которым они, собственно, стали известными. Мы будем говорить в основном о дневниках, письмах, мемуарах, неопубликованных рукописях, содержащихся в их книгах примечаниях и маргиналиях. Прежде всего, эти люди интересуют меня как мыслители, пытающиеся разобраться в мировоззренческих проблемах. Несмотря на обширный список литературы в конце книги, я должен сразу же уточнить, что большинство вопросов, связанных с каббалистическими интересами этих авторов, поднимаются мной впервые. Поэтому в книге очень много цитат, а также источниковедческих и библиографических примечаний. Я также был вынужден делать пространные экскурсы в области, к русскому материалу прямого отношения не имеющие: обсуждать особенности интерпретации каббалы в теософии, антропософии, мартинизме, каббалистическую «мистику пола» и т.д. В этом отношении книга может показаться довольно странной: в России не принято всерьез анализировать подобные опусы и темы («весь этот сор»). Но можем ли мы понять, что чувствовали, о чем думали любимые нами поэты, писатели, если заранее отказываем им в праве серьезно вчитываться в подобные сочинения, испытывать на себе их практические наставления? А если не отказываем, то не стоит ли нам как исследователям хотя бы попытаться проследить за ними, посмотреть в ту же сторону, в какую некоторые из них смотрели большую часть своей жизни? У нас в России мало кто сочувствует такому подходу, а поэтому в книге столь значительное (могущее показаться избыточным) количество ссылок на иноязычные источники и исследования. В каком-то смысле она получилась похожей одновременно на хрестоматию и биобиблиографический справочник. Ну что же,

это ведь первый шаг на пути к раскрытию поставленной мной темы, своеобразная попытка создания карты, которой смогут воспользоваться, если захотят, другие путешественники и/или исследователи.

Эта книга — об особых для автора людях. В чем заключается эта «особость»? Например, в том, что я часто бывал и бываю в тех местах, где они жили, трудились, где они умерли и похоронены. В том, что за долгие годы я собрал почти все, что было ими написано при жизни, в первых публикациях, и то, что было издано после их смерти. В том, что я изучал их рукописи в архивах и (с некоторым внутренним сомнением) читал их письма и дневники, сопереживая им... почти как близким родственникам. В сущности, они давно уже и стали для меня такими родственниками. (Четвертый «герой» моей книги, писатель Г.П. Шторм, появляется в ней почти случайно — как друг юности Бориса Поплавского и интересный автор-эзотерик.)

В книге читатель найдет три Приложения, а также вкладку с иллюстрациями. Первое Приложение содержит перевод лекции основоположника антропософии Рудольфа Штайнера о каббале (1904). Во втором впервые с 1921 года переиздана поэма Георгия Шторма «Карма Йога», практически неизвестная исследователям. Третье посвящено участнице эзотерического движения в России и за рубежом поэтессе Нине Рудниковой. Иллюстрации, размещенные на вкладке, демонстрируют неопубликованные рукописи, рисунки, изображения редких изданий, о которых говорится в моем исследовании. Я стараюсь использовать и цитировать в нем только те издания книг на различных языках, которые существовали в момент описываемых событий, — в основном это первые публикации, а также те издания и те переводы, с которыми были (или могли быть) знакомы герои моей книги. Эта практика, отчасти объясняющаяся библиофильскими пристрастиями автора, в то же время позволяет избежать ненужных трудов по оценке корректности переизданий и упрощения при переходе на новый стиль орфографии, разного рода анахронизмов и т.п.

Эта книга собиралась долго, более 20 лет, в спокойные и достаточно тихие годы, и была написана катастрофически быстро, за несколько месяцев, в наше тяжелое, непредсказуемое время, апокалиптики которого кажется в чем-то созвучной тому настроению, с которым жили мои герои — в (пред)революционной России и в изгнании.

Сентябрь 2023 года, Москва

Благодарности

Приношу мою искреннюю благодарность С.В. Кудрявцеву за возможность ознакомиться с рукописными материалами из собраний С.Н. Татищева и М. Карски (Париж), ценные консультации и помощь в расшифровке рукописей Б. Поплавского. Хотел бы выразить мою признательность всем тем, кто своими советами помог мне в работе над книгой: К.М. Антонову, М.Л. Спивак, М. Яглому, коллегам по Институту философии РАН, в особенности И.Д. Джохадзе, И.Р. Насырову, Ф.О. Нофалу, Ю.Е. Федоровой. Я чувствую себя особенно обязанным редактору книги А.Г. Тимофееву за его профессионализм и внимательное отношение к моему тексту.

Не могу не упомянуть и те архивы и библиотеки, благодаря богатейшим фондам и доброжелательному отношению сотрудников которых эта книга стала возможной: Российская государственная библиотека и ее Отдел рукописей; Отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля; Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Национальная библиотека Израиля (Иерусалим).

Я также благодарен тем добрым ангелам, которые не воспротивились ее написанию, и тем коварным демонам, которые позволили наконец поставить в ней точку.

Глава 1

Каббала и Серебряный век русской культуры

Источники, позиции, интерпретации

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Анна Ахматова (1940)

1.1. Каббала и символизм: вопросы терминологии

Каббала, еврейская эзотерическая традиция, в учении и практиках которой причудливым образом переплетаются элементы мистики, магии, теософии и философии, вызывает живой интерес у европейцев уже более пяти столетий¹. Не избежала увлечения еврейским «тайным учением» и Россия, хотя и с некоторым запаздыванием. Как уже было сказано, каббалу как составную часть системы тайных наук впервые начинают специально изучать в последней трети XVIII века русские масоны², а в XIX веке каббалистические образы проникают в художественную литературу³, о ней пишут в толстых журналах, ей посвящают диссертации в духовных академиях. И все же наивысшей точки интерес к ней в русском образованном обществе достигает в конце XIX — начале XX века, когда к ее учению обращаются известные религиозные философы,

1. См. подробнее о христианской каббале в фундаментальном исследовании: *Schmidt-Biggemann W. Geschichte der christlichen Kabbala. Bde. I–IV. Stuttgart — Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2012–2014.*
2. Об особенностях русской «масонской» каббалы эпохи Екатерины II — Александра I см.: *Burmistrov K., Endel M. Kabbalah in Russian Masonry: Some Preliminary Observations // Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts. 1999. Vol. 4. P. 9–59; Burmistrov K., Endel M. The Place of Kabbalah in the Doctrine of Russian Masons // Aries: Journal for the Study of Western Esotericism. 2004. Vol. 4. № 1. P. 27–68.*
3. См.: *Aptekman M. Jacob's Ladder: Kabbalistic Allegory in Russian Literature. Boston: Academic Studies Press, 2011. P. 39–105.*

о ней спорят в среде теософов и оккультистов, о ней как о тайной еврейской программе завоевания мира предрекают сочинители-юдофобы¹.

Казалось бы, следовало бы ожидать серьезного увлечения каббалой и среди русских символистов, писателей, поэтов, мыслителей так называемого Серебряного века. Обычно такой интерес рассматривается как сам собой разумеющийся, каббала упоминается в составе интеллектуального багажа русских символистов наряду с астрологией, магией, гностическими идеями и пр. При этом исследователи обычно не задаются вполне естественными вопросами о том, откуда черпали свои познания в каббале те или иные авторы... как именно они истолковывали ее доктрины и почему именно так, а не иначе? насколько адекватным был тот образ каббалы, который они имели (и что вообще в данном случае может означать слово «адекватность»)? Как правило, нежелание углубляться в эти вопросы приводит к весьма приблизительным и неточным заключениям: к примеру, каббала много раз упоминается в фундаментальном труде А. Ханзен-Лёве «Русский символизм», однако в столь странных контекстах и толкованиях, что возникает большое сомнение в том, имеет ли написанное хоть какое-то отношение к собственно еврейскому мистицизму или даже его христианизированным версиям².

1. См.: *Бурмистров К.* Владимир Соловьев и Каббала: К постановке проблемы // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 г. М.: ОГИ, 1998. С. 7–104; *Burmistrov K.* The Interpretation of Kabbalah in Early 20th-century Russian Philosophy: Soloviev, Bulgakov, Florensky, Losev // East European Jewish Affairs. 2007. Vol. 37. No 2. P. 157–187; *Aptekman M.* Jacob's Ladder... P. 153–187.
2. См., например: *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. С. 101, где каббала названа одним из «мистико-герметических движений, восходящих к платонизму или платонизму»; с. 228, где соотношение символов металлов с планетами почему-то названо «астрологическо-каббалистическим» (в действительности оно не имеет к каббале никакого отношения), и т.д. Отчасти эти и многие другие неточности связаны с тем, что одним из основных, если не главным источником познаний автора в каббале была вышедшая полтора века назад и далекая от академичности книга Альберта

Об интересе к «тайным наукам» (выберем самый общий термин) в русском символизме написано немало, достаточно упомянуть публикации Н.А. Богомолова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак, Г.В. Нефедьева, Р. фон Майдель, Е.В. Глуховой и др. (некоторые из их работ я цитирую ниже). Большинство из них посвящено отношению к антропософии, теософии, розенкрейцерству, спиритуализму/спиритизму и оккультизму. Г.В. Нефедьев пытается внести ясность в использование терминов «эзотеризм», «оккультизм», «мистика» применительно к русскому материалу Серебряного века¹, поскольку и на самом деле в работах на эту тему наблюдается заметная терминологическая путаница. Впрочем, вопросы терминологии применительно к «тайным наукам» давно стали предметом специального обсуждения среди ученых². В этой книге я использую термин «эзотеризм» в значении близком к предложенному известным французским историком идей, религиоведом и основоположником академического подхода к изучению эзотеризма Антуаном Февром (1934–2021). Февр описывает эзотеризм как особую «форму мысли» и выделяет четыре признака, внутренне присущие эзотеризму, а также еще два, которые важны, но являются внешними. Внутренними характеристиками служат: 1) вера в незримые и в то же время неслучайные «соответствия» между всеми видимыми и невидимыми измерениями космоса; 2) восприятие природы как пронизанной и оживотворяемой неким Божественным присутствием или жизненной силой; 3) сосредоточенность

Тимуса «Гармоническая символика древности» (*Thimus A., von. Die harmonikale Symbolik des Alterthums. Köln: M. DuMont-Schauberg, 1868–1876*). Зависимость от устаревших или сомнительных источников свойственна и другим работам, затрагивающим проблему влияния различных мистических и религиозных течений на русский символизм и философскую мысль.

1. См.: *Нефедьев Г.В.* Русский символизм и розенкрейцерство: Ст. первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 172–180.
2. См.: *Ханegraaf В.Я.* Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся. М.: Рудомино, 2016; *Носачев П.* «Отреченное знание»: Изучение маргин. религиозности в XX и нач. XXI века: [Ист.-аналит. исслед.]. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

на религиозном воображении, на переживаниях как силе, обеспечивающей доступ к разным мирам и уровням реальности, каковые служат посредниками между миром материальным и миром божественным; 4) вера в процесс духовной трансмутации, посредством которой внутренний человек возрождается и воссоединяется с Божеством. Две «внешние» характеристики, которые часто, но не всегда присутствуют в эзотерических учениях, таковы: 5) вера в фундаментальное соответствие, согласие между различными или даже всеми духовными традициями; 6) представление о более или менее тайной передаче духовных знаний¹. Термин «оккультизм» («оккультный») я использую в более узком смысле, как относящийся к учениям и практикам эзотерических групп XIX — начала XX века, сосредоточенных на практическом применении «тайного знания», а также окончательно отошедших от традиционных религиозных направлений и во многом опирающихся на подходы и данные современной науки. Собственно говоря, оккультисты и рассматривают свою деятельность как расширяющую горизонты научного познания. В. Ханegraаф, один из наиболее известных исследователей западного эзотеризма, призывает проводить различие между двумя понятиями — «тайные науки» («occult sciences»), появившимся в XVI веке, и «оккультизм» («l'occultisme»). Последний термин начинает использоваться во Франции лишь в 1840-х годах и относится к возникавшей в то время секуляризированной и наукообразной версии западного эзотеризма². Наконец, я, как правило, избегаю использования понятий «мистик», «мистицизм», «мистический» (делая исключение в случае Бориса Поплавского). Вопрос о соотношении между «эзотеризмом» и «мистицизмом» активно обсуждается исследователями, обнаруживающими не только заметные черты сходства между двумя

1. *Faivre A.* Access to Western Esotericism. Albany, N.Y.: SUNY Press, 1994. P. 10–15.
2. См.: *Hanegraaff W.J.* Occult/Occultism // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / Ed. by W.J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2005. P. 887–888.

этими направлениями в истории европейской мысли, но и различия, связанные, в частности, с нехарактерной для эзотерических учений тенденцией к единению, слиянию с Божественным, столь свойственной мистицизму. Две эти области действительно близки и даже могут пересекаться, однако такие явления, как «оккультизм» и оккультные истолкования каббалы — а именно о них мы в основном будем говорить в этой книге, на мой взгляд, относятся целиком к области «западного эзотеризма», а не мистицизма¹.

Впрочем, никем из исследователей специально не затрагивается вопрос о термине «каббала» в данном контексте — когда мы говорим не о собственно еврейской каббале, но о ее рецепции, адаптации и трансформации в европейской и русской культуре XIX — начала XX века. В публикациях встречаются невнятные упоминания о «гностицистско-каббалистических», «теософско-каббалистических», «оккультно-каббалистических» или просто «каббалистических» идеях... Между тем, даже не углубляясь в эту сложную тему, можно сразу предложить несколько разных вариантов понимания этого термина.

Во-первых, это собственно традиция «тайного учения» (*торат ха-код*) в иудаизме, история которой охватывает более чем двухтысячелетний период времени. Тексты этой традиции написаны в основном на иврите, арамейском и в малой степени — на других языках (скажем, фрагменты некоторых сочинений сохранились лишь в латинском переводе). С XIII века ее начинают называть, в том числе, *каббалой* (букв. «предание», «традиция»), а ее сторонников — каббалистами (*мекубалим*). Собственно говоря, традиция эта жива и по сей день. Еврейская каббала теснейшим образом связана с иудейским законом, с исполнением заповедей и изучением Торы. Очевидно, что для европейцев-христиан в целом и русских символистов в частности все это имело небольшое значение, а потому с точки зрения иудаизма то, что они называли «каббалой», никакой

1. Подробнее об этом см. упомянутую книгу Февра, а также: Dictionary of Gnosis and Western Esotericism. P. 336–340, 818–820, 884–889.

каббалой не было. Таково же до недавнего времени было и мнение академической науки.

Во-вторых, примерно с конца XIII века (и в особенности с конца XV) наблюдаются попытки использовать отдельные идеи каббалы применительно к христианской догматике — возникает так называемая «христианская каббала», просуществовавшая до середины XIX века. Если Гершом Шолем, основоположник современной науки о каббале, считал эту христианскую версию каббалы просто искажением (если не извращением) еврейского эзотеризма, современные исследователи (например, А. Кильхер, Б. Хусс и др.) склонны рассматривать христианскую каббалу и ее разновидности как особую традицию, заслуживающую самостоятельного изучения. В-третьих, с XVI столетия в европейском эзотеризме существует тенденция включать каббалу в группу «тайных наук» вместе с магией, алхимией, астрологией и т.п. — возникает так называемая «оккультная каббала» (хотя сам термин «оккультизм» появляется лишь в середине XIX века, имеет смысл давать этой традиции такое название, помня о ее наиболее известном сочинении — *De Occulta Philosophia libri III*, или «Три книги о тайной философии» (1531–1533) Г.К. Агриппы Неттесгеймского). Это — еще одна «каббала». Наконец, в XVIII веке каббалистические идеи активно изучаются в масонских ложах и квазимасонских орденах — возникает «масонская каббала», в значительной мере повлиявшая на появление «оккультистской» («мартинистской», «розенкрейцерской», «теософской») каббалы второй половины XIX — XX века¹, идеи которой, в свою очередь, вскоре прочно вошли в интеллектуальный обиход образованных европейцев. Стоит учесть также, что уже в XIX веке такие авторы, как Элифас Леви (Éliphas Lévi Zahed, наст. имя Alphonse Louis Constant; 1810–1875) и Адольф Франк (1810–1893), заметно расширили понятие «каббалы» как единой древней школы «тайного знания», усматривая в ее еврейской и христианской версиях лишь этапы в истории ее развития

1. См.: *Hanegraaff W. J. Jewish Influences, V: Occultist Kabbalah // Ibid. P. 644–647.*

и передачи. Их сочинения высоко ценили русские авторы Серебряного века. Наконец, с конца XVIII века в России (да и в Европе) наблюдается тенденция называть «каббалой» (часто — «кабалой», «кабаллой» и «кабалистикой») всевозможные методы предсказания, гадания, нумерологических фокусов и т.п., вообще не имеющие никакого отношения к еврейству и иудаизму (именно упоминания о такой «кабалистике» нередко встречаются в русской классической литературе — у А.С. Пушкина, В.Ф. Одоевского, А.Ф. Вельтмана и др.)¹. Даже в этой очень приблизительной схеме мы видим шесть вариантов использования термина «каббала». Разумеется, вопрос о терминологии требует специального прояснения, и мы в данном случае не ставим перед собой эту задачу. Ниже я буду стараться следовать простому правилу: говоря просто о «каббале», мы будем иметь в виду любой из перечисленных выше вариантов использования этого термина (наверное, за исключением лишь последнего). В тех же случаях, когда речь идет об одном из них, я буду на это специально указывать.

Хотел бы сразу отметить, что, на мой взгляд, интерес к каббале в символистской среде был выражен достаточно слабо, по сравнению, скажем, с увлечением ею некоторых русских философов того времени (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, А.Ф. Лосев и др.). Отдельные упоминания о священном языке, буквенной мистике и еврейской нумерологии, каббалистических книгах встречаются у некоторых авторов, сильнее других интересовавшихся «тайными науками», но очевидно, что куда более привлекали их учения других древних традиций. Это в полной мере относится к В.Я. Брюсову, В.И. Иванову и др.

1. Хорошим примером этого типа литературы служит выпущенная в начале XX века издательством «Изида» книга «Телескоп Зороастра, или Ключ Великой Каббалы. Гадательная книга магов» (Пг.: Изида, 1915). Это достаточно объемистое сочинение предсказательно-нумерологического содержания, с восемью схемами, было написано по-французски в конце XVIII века. При всем желании в нем невозможно отыскать что-то имеющее даже самое отдаленное отношение к еврейскому эзотеризму.

Представляется, что такое в целом прохладное отношение к «еврейским тайнам» (которые казались столь завораживающими В.В. Розанову и П.А. Флоренскому и столь угрожающими — Л.А. Тихомирову и А.С. Шмакову) можно лучше понять, если проанализировать отношение к каббале в тех версиях эзотерических школ и учений, которые получили распространение в России того времени, и прежде всего — в теософском и антропософском движениях. Мы неоднократно будем возвращаться к этой теме в нашей книге, обсуждая знакомство с идеями каббалы Андрея Белого, М. Волошина и, позже, уже в эмиграции — Б. Поплавского. При этом, рассматривая достаточно подробно отношение к «еврейской мистике» в среде теософов, антропософов и, отчасти, мартинистов, я не буду отдельно анализировать еще одно не менее важное явление — собственно «окультистскую каббалу». Дело в том, что, если названные движения представляли собой организованные школы с более или менее разработанными доктринами, оккультизм — явление неоформленное, разнородное, представленное десятками небольших групп и отдельных мыслителей. Сочинения окультистов стали той питательной средой, тем «бульоном», на котором выросли учения основателей теософии, антропософии, мартинизма, они же послужили источниками познаний в «тайных науках» для русских авторов Серебряного века. Именно поэтому мы будем постоянно возвращаться к ним в этой книге.

1.2. Теософия и каббала

[Понять писания Г. Майринка] совсем не сложно, если разбираться не только в каббале, но и в ее искажениях и злоупотреблениях ею в сочинениях окультистов или теософов круга мадам Блаватской.

*Гершом Шолем*¹

Общеизвестно, что зародившееся в середине 70-х годов XIX века теософское движение было чрезвычайно

1. *Scholem G. Von Berlin nach Jerusalem: Jugenderinnerungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. S. 169–170.*

синкретичным в своей менявшейся с течением времени и никогда толком так и не кодифицированной доктрине. Возникнув, с одной стороны, как продукт разложения масонства и спиритуалистского движения и испытав сильное влияние со стороны бурно развивавшихся в то время научных направлений (от сравнительного языкознания и археологии до расовых исследований), теософское учение вобрало в себя элементы самых разнообразных философских и религиозных традиций, продуктов мифологий — как древних, так и вполне современных. Прежде всего, оно обязано своим появлением пробуждению интереса к Востоку, к восточным религиям — буддизму и индуизму — в Европе, России и в Соединенных Штатах¹. На возникновение теософского движения и других эзотерических школ конца XIX — начала XX века оказал заметное влияние и более широкий процесс складывания целого ряда научных дисциплин, связанных с изучением истории и культуры Древнего Востока, нехристианских религий (ислама, иудаизма, манихейства, гностических школ и пр.), неортодоксальной религиозности в средневековой Европе и т.п. Уже в конце XVIII века и особенно с середины XIX столетия начинают публиковаться многочисленные переводы письменных памятников различных культур и эпох, темы «древности» и «Востока» становятся в европейской культуре востребованными и популярными. Как отмечает Б.З. Фаликов,

окультизм опирался не только на западный эзотеризм. Он стремился создать прежде всего универсальный синтез, который не ограничивался бы границами западного мира. В этих попытках он использовал и ресурсы восточных религий — индуизма, буддизма, даосизма и ислама (прежде всего суфизма). Поворот к Востоку — одна из ключевых черт теософии².

1. См.: *Santucci J.A. Theosophical Society // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism. P. 1114–1123.*
2. *Фаликов Б.З. Величина качества: Окультизм, религии Востока и искусство XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 18.*

Все это в полной мере относится к сочинениям основательницы Теософского общества Е.П. Блаватской (1831–1891), которой, несмотря на все скандалы и перипетии ее жизненного пути, нельзя отказать в таланте популяризатора и разносторонней образованности. В ее книгах, в частности, встречаются свидетельства знакомства с некоторыми сочинениями о каббале и с переводами еврейских текстов — в особенности это касается ее главных трудов, 2-томной «Разоблаченной Изиды» (1877) и 3-томной «Тайной Доктрины», объявленной «синтезом науки, религии и философии» («The Secret Doctrine: the Synthesis of Science, Religion and Philosophy», 1888, 1897)¹. Блаватская была также автором целого ряда отдельных небольших работ, посвященных каббале². Едва ли можно отыскать в ее сочинениях внятное объяснение того, что она имеет в виду под «каббалой»: Блаватская вообще предпочитала намеки — определениям. По всей видимости, она была убеждена, что учение каббалы, хотя и передававшееся евреями, имеет древние нееврейские корни: особенно в ранние годы она говорила то о «розенкрейцерской» («герметической»), то о «египетской», то о «буддийской» («восточной») каббале, ссылаясь при этом и на реальные еврейские тексты, прежде

1. В книге я цитирую «Тайную Доктрину» как по русскому переводу Е.И. Рерих, так и в собственном переводе по первому изданию 1888 года (в тех случаях, когда желательнее точное указание на источник или перевод кажется мне не совсем корректным), используя и французский перевод, с которым работали А. Бельгий, М. Волошин и Б. Поплавский. См. об интерпретации каббалы в сочинениях Е.П. Блаватской: *Pasi M. The Oriental Kabala and the Parting of East and West in the Early Theosophical Society // Kabbalah and Modernity: Interpretations, Transformations, Adaptations / V. Huss, M. Pasi, and K. v. Stuckrad (eds.). Leiden: Brill, 2010. P. 151–166; French B. J. The Theosophical Masters: An Investigation into the Conceptual Domains of H.P. Blavatsky and C.W. Leadbeater: Unpubl. Doctoral Diss. Univ. of Sydney, 2000. P. 535–537.*
2. См., в частности, ее статьи «Каббала и каббалисты» и «Тетраграмматон» в кн.: *Блаватская Е.П. Тайные знания / Пер. К.Ю. Бурмистрова. М.: МЦФ, 1994. С. 272–291; 408–430.* Небольшие статьи Блаватской о «восточной» и «западной» каббале собраны в третьем томе «Тайной Доктрины», увидевшем свет через пять лет после ее смерти.

всего на «Книгу Сияния», *Сэфер За-Зоѓар* (конец XIII — начало XIV века). Мы еще будем много раз касаться этой темы. По словам Марко Пази, та двусмысленность, которая возникла благодаря Блаватской, расположившей каббалу как бы между «Востоком» и «Западом», впоследствии оказала влияние и на попытки академической формализации понятия «западный эзотеризм» (*Western esotericism*)¹. Так или иначе, Блаватская была мыслителем удивительно начитанным и сведущим в самых разных областях и научного, и эзотерического знания. В дальнейшем, однако, ее преемники не сохранили широты ее интересов: с перемещением центра деятельности Общества из Англии и Соединенных Штатов в Индию и учреждением штаб-квартиры в Адьяре члены Теософского общества стали все меньше и меньше интересоваться европейским эзотеризмом, не говоря уже о каббале.

Достаточно обширные познания Блаватской в области еврейской «тайной науки» были получены в основном из трудов христианских каббалистов, оккультных и масонских сочинений XVIII–XIX веков, а также из научных работ о «еврейском мистицизме» и «еврейской философии», которые стали появляться с начала XIX века. Впрочем, признавая важную роль каббалы в «истории сохранения и передачи древнего знания», о котором говорит теософия, Блаватская выражала двойственное отношение как к еврейской, так и к христианской каббале. Более того, очевидно, что в ходе эволюции собственных взглядов, с середины 1870-х по начало 1890-х годов, она меняла и свое мнение о природе и ценности каббалы для теософского учения².

Основными источниками ее познаний в этой области были, помимо общих курсов истории религии, философии, мифологии, книги классика оккультизма Элифаса Леви,

1. *Pasi M.* The Oriental Kabala and the Parting of East and West in the Early Theosophical Society. P. 162.
2. Ср.: *Hall [Chajes] J.* The Concept of Reincarnation in Theosophy: Modernity, Globalization and Western Esotericism: Unpubl. Doctoral Thesis. Univ. of Exeter, 2012. P. 207–232.

библеиста и миссионера Христиана Давида Гинзбурга, гебраиста и историка философии Адольфа Франка, о которых мы будем еще много раз упоминать в дальнейшем, а также сочинения бостонского юриста Сэмуэля Ф. Данлэпа (S.F. Dunlap; 1825–1905), автора целого ряда околонучных книг по истории мифологии и, что особенно важно, о каббале¹. Важнейшим источником цитат для нее, как и для многих других, стала антология латинских переводов каббалистических текстов «Kabbala Denudata», опубликованная К. Кнорром фон Розенротом в 1677–1684 годах². Блаватская неоднократно цитирует в своих трудах содержащиеся в антологии переводы некоторых частей *Зо́рафа*, а также текстов лурианской каббалы XVI–XVII веков. Кроме того, Блаватская пользовалась немецким переводом «Сэфер йецира» Эдуарда фон Мейера (Лейпциг, 1830), английским переводом фрагментов «Kabbala Denudata» (1887), выполненным С.Л. Макгрегором Мэтерсом, а также объемистым, хотя и сомнительным с научной точки зрения сочинением Айзека (Исаака) Майера «Каббала. Философские труды Соломона бен Йегуды ибн Гебиrolа» (1888) — первой книгой о каббале, написанной в США³.

Обсуждая источники познаний Блаватской в области каббалы, нельзя обойти вниманием один эпизод, имевший

1. См. прежде всего его кн.: *Dunlap S.F. Sod: The Son of The Man*. London; Edinburgh: Williams and Norgate, 1861. См. также: *Chajes J. Construction Through Appropriation: Kabbalah in Blavatsky's Early Works // Theosophical Appropriations: Esotericism, Kabbalah, and the Transformation of Traditions / Ed. by J. Chajes & V. Huss. Beer Sheva: Ben-Gurion Univ. of the Negev Press, 2016. P. 58–60. О влиянии книг Данлэпа на Блаватскую подробно рассказано в диссертации: *Winchester J.B. Roots of the Oriental Gnosis: W.E. Coleman, H.P. Blavatsky, S.F. Dunlap: Master's Thesis. Univ. of Amsterdam, 2015. P. 30–65.**
2. См. об этой книге и ее источниках: *Бурмистров К.Ю. Еврейская философия и каббала: История, проблемы, влияния. М.: ИФ РАН, 2013. С. 181–221.*
3. См.: *Myer I. Qabbalah: The Philosophical Writings of Solomon ben Yehudah ibn Gebirol... Philadelphia: The Author, 1888. См. о Майере и этой книге: Huss B. The Qabbalah of the Hebrews and the Ancient Wisdom Religion of Asia: Isaac Myer and the Kabbalah in America // Kabbalah in America: Ancient Lore in the New World / Ed. by B. Ogren. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 72–93.*

место в начале 1890-х годов. Известный спиритуалист Уильям Э. Коулман (W.E. Coleman; 1843–1909) выступил тогда с серией публикаций, разоблачавших Блаватскую как шарлатанку, и, в частности, уличал ее в систематическом плагиате. В наиболее громкой из них, «Источники сочинений мадам Блаватской» (1895)¹, он подробно рассматривает вопрос о тех книгах, которыми пользовалась основательница Теософского общества, а также пишет о том, как она с этими книгами обращалась. В поддержку своего обвинения Коулман приводит несколько списков параллельных отрывков, сопоставляя разделы из «Разоблаченной Изиды» Блаватской с книгами, из которых, как он утверждает, они были заимствованы...² Теософский мир был шокирован, разгорелась бурная полемика, которой мы касаться не будем (отметим лишь, что современные исследователи поставили под сомнение объективность ряда обвинений)³. Обратим, однако, внимание на выявленные Коулманом источники Блаватской:

Она объявила себя большим знатоком каббалы, но все цитаты и все отсылки к каббале в «Изиде» и во всех ее более поздних трудах были вторичным цитированием из книг, содержащих разрозненные выдержки из каббалистических текстов. Среди них была «Масонская энциклопедия» Маккензи⁴, «Гностики» Кинга⁵, сочинения С.Ф. Данлэпа, Л. Жаколио⁶ и Элифаса Леви.

1. Эта статья, «The Sources of Madame Blavatsky's Writings», была опубликована как приложение к английскому переводу известной книги воспоминаний В.С. Соловьева «Современная жрица Изиды» (СПб., 1893). В русском издании она отсутствует.
2. См.: *Coleman W.E. The Sources of Madame Blavatsky's Writings // Solovyoff Vs. A Modern Priestess of Isis. London: Longmans, Green, and Co., 1895. P. 356–357.*
3. Эта скандальная история и ее последствия подробно обсуждаются в диссертации: *Winchester J.B. Roots of the Oriental Gnosis... P. 3–30.*
4. См.: *Mackenzie K.R.H. The Royal Masonic Cyclopaedia of History, Rites, Symbolism, and Biography. London, 1877.*
5. См.: *King C.W. The Gnostics & Their Remains. London, 1864.*
6. Согласно Коулману, Блаватская заимствовала фрагменты из трех книг Данлэпа и трех книг Жаколио.